Лайус никогда не был оккупирован.

Тем не менее, самый большой фестиваль, проводимый каждый год, называется "Фестиваль освобождения".

Это не тот день, когда пали предыдущие правители. Это сразу через несколько дней после падения. Это день, когда родословная вымерла.

День, когда я умерла — это день, когда закончился кошмар Лайуса, день благословения.

До фестиваля еще 2 недели, но город уже был полон украшений и людей из разных мест. Все это как бы намекало, что фестиваль уже начался.

На улице было установлено множество больших колонн, соединенных между собой, с бумажными цветами на них, украшающими дорогу к площади.

На большой площади была установлена сцена высотой около четырех ступеней. Стены были пусты, их еще должны будут украсить. Скорее всего, там будет висеть картина, но ее там не было, может быть, из-за ожидания, что может пойти дождь, или, может быть, из-за того, что ее просто оставили напоследок. Я издалека наблюдала за быстрыми движениями занавесок.

В эти дни глаза сияют и у взрослых, и у детей. Возбужденные атмосферой, ребята оживленно болтали.

— «Я Кайд-сама!»

— «Эй…! Несправедливо! Я хочу быть Кайд-сама!»

— «Нет, я быстрее! Ты будешь предыдущим лордом!»

Самый большой мальчик короновал себя Кайдом, размахивая палкой. От других детей послышались жалобы, эхом раздавалось улюлюканье. Среди шумных мальчишек виднелся ребенок, одетый в прекрасный розовый цвет. Возможно, чья-то младшая сестра. Самая младшая, девочка, отчаянно металась между мальчиками.

— «А как насчет меня? Эй, а как насчет меня? Ониии-чан, а как насчет меня?»

Маленькая ручка потянула за руку самого большого мальчика, ее брата. Он воткнул конец палки, которую держал в руках, в землю и начал думать.

— «Эх! Ты будешь плакать, если не будешь принцессой, верно?»

— «Принцесса!»

— «Принцесса».

Мальчики склонили головы друг к другу и начали что-то обсуждать. Похоже, что их жалобы вызывают меньше беспокойства, чем если бы девушка плакала.

— «Тогда, миледи?»

Услышав, как кто-то пробормотал роль, глаза девочки заблестели.

— «Миледи!»

— «Миледи. Но, тем не менее, миледи – враг?»

— «Мой папа сказал, что она была отъявленной злодейкой».

— «Ээм…моя мама сказала, что она была хорошим человеком».

— «Мой папа тоже».

— «Эх, а мой папа сказал, что она на самом деле была страшной женщиной~».

У ног мальчиков, которые кряхтели от раздумий, девочка радостно повторяла: «Миледи, миледи».

— «Эх, дети такие невинные».

Рядом со мной стоял Айседор. Он помахал рукой проходящей мимо женщине. Женщина хихикнула и помахала в ответ. Скорее всего, они не были знакомы. Он без разбора махал рукой всем женщинам вокруг.

Чувствуя течение времени, я слегка отошла в сторону, но все это продолжалось.

Мы стояли на углу площади.

Площадь окружают ларьки, а за ними люди, которые покупали еду, сидя или прислонившись к стене.

Смешавшись с толпой, мы стали ждать, когда вернется Кайд.

Кайд оставил на меня Айседора, прежде чем отправиться в переулок.

Ширли: — «Герой этих детей сейчас высматривает хулиганов в переулках».

Айседор: — «…Хулиганов?».

Я знаю, что у него есть работа, но Айседор заметил, что я не знаю, какая конкретно и слегка прищурил глаза.

Ширли: — «Все верно. На Фестиваль Освобождения прибывают не только хорошие люди. Здесь есть и те, которые хотят его убить. И он сам арестовывает их, без посторонней помощи. Что ж, если кто-то захочет что-то сделать с ним, потребуется рабочая сила, которая привлечет внимание, чтобы хулиганов можно было поймать. Твой господин – это человек, которого я не хочу видеть своим врагом».

Айседор: — «…Разве он не может просто получать и проверять отчеты о проведенной работе?»

Ширли: — «Конечно, он может просто получать отчеты, но он думает, что должен все делать сам. Он считает, что сможет со всем справиться самостоятельно. С работой Лорда, с недоброжелателями, с ранами, с жертвами. Даже с позором убийства членов королевской семьи».

Убийство членов королевской семьи.

Это не то, что-то такое, о чем можно говорить с такой небрежностью, как, например, о погоде. Особенно для будущего лорда.

Игнорируя мой взгляд, он продолжил, как ни в чем не бывало. Его глаза смотрели на детей, которых он видел раньше.

Айседор: — «Прошло уже пятнадцать лет, но хаос, который принес Лайусу "Драгоценный цветок", все еще сохраняется…должно быть, она была чем-то особенным».

Его плавный взгляд перенесся на особняк Лорда. Отсюда видна только форма здания, в виде коробки. Но его глаза, казалось, видели белое здание, которое когда-то было там.

По площади пронесся ветер, сотрясая крыши ларьков, разбрасывая бумагу и крадя цветы у детей.

Я рефлекторно закрыла глаза от ветра, дующего прямо на нас, а Айседор пригладил свои волосы, и слегка прищурился.

Айседор: — «Интересно, а такие молодые люди, как ты, об этом знают? Раньше, в Лайусе, жила принцесса, которую прозвали ”Драгоценный цветок"».

Ширли: — «…Беспощадный цветок Лайуса».

Айседор: — «Боже, так ты знаешь об этом? Да, она была настоящей злодейкой. Даже сейчас люди продолжают спорить, стоило ли убивать ее или нет. Тем более, она была очень красива. Некоторые говорят, что она была невинна, некоторые говорят, что ее невежество — это тоже грех, а некоторые говорят, что она была печально известной злой женщиной. Теперь остались только перепутанные между собой истории. Но тогда ее не следовало оставлять в живых. Кайд поступил правильно. Если бы она была жива, определенно, где-то, кто-то вознес бы ее. Поскольку не существует политики, которая могла бы удовлетворить всех, неизбежно возникнет недовольство. И если бы остался кто-то, кто претендовал на власть, то Лайус тогда не был бы защищен. Люди эгоистичны и быстро забывают прошлую боль. Как только их раны заживают, они начинают страдать от того, что находится вокруг них. Но, глядя на шрамы, они продолжают жаловаться, что прошлые раны причиняют боль. Это больно. Как только вся их боль проходит, они начинают нападать, говоря, что травмы других людей причиняют им боль. Должно быть, удобно иметь возможность говорить такие вещи. Как я завидую. При этом они могут игнорировать боль других людей. Они с яростью говорят, что дворяне не считают людей более низкого положения людьми, и сами они не думают о дворянах как о людях. Они говорят, что для них нет боли. Это потому, что они не думают, что нам больно и мы плачем так же, как они. Слабость — это привилегия. Они привилегированный класс. Им не нужно ни делать выбор, ни брать на себя ответственность, и они все равно жалуются на результаты. Им позволено скулить и бить других. Это действительно достойно зависти. Если они это делают, это называется жалобой, но, если мы это делаем, это называется жестоким обращением. Это дискриминация. Люди собираются, если им есть что отстаивать, поэтому я считаю, что решение господина было правильным».

Айседор: — «Извини. Я немного отошел от темы. Вижу, что ты умна. Даже если ты училась в провинциальной школе, я уверен, что ты всегда была лучшей в своем классе».

Я не была удивлена тем, что он говорил так небрежно. Люди, обладающие такой властью, как он, не разговаривают, если не знают человека. Не говоря уже о такой теме, как эта.

Когда я спокойно подняла глаза, Айседор приподнял бровь и сделал такое выражение лица, будто сказал что-то не то или допустил ошибку.

Айседор: — «Ты даже не удивлена. Похоже, я должен задуматься о размере твоего мужества. Я

знаю тебя, возможно даже лучше, чем ты себя, Ширли Хинс. Пятнадцать лет назад, в дождливый день, тебя нашли завернутой в тряпку на камне у дороги. Затем тебя воспитывали в приюте в городе Каин. Ты всегда хорошо училась, и даже немного преуспела в спорте? Благодаря чему было много предложений об усыновлении, но ты не приняла ни одного. Был даже один из местных дворян, не кажется ли тебе, что ты слишком упряма?».

Ширли: — «Я ничего не смогла бы отдать за свое удочерение, ведь стану монахиней. Мое удочерение было бы не выгодно для всех».

Айседор: — «Удивительно, твоя цель из эссе "Моя мечта", написанного, когда тебе было шесть лет, совсем не изменилась. Тогда мне интересно, знала ли ты, что мэр Каина хотел выдать тебя замуж за своего сына. Поскольку его сын не слишком умен, он, вероятно, хотел, чтобы мудрая женщина взяла его в свои руки. Вот почему директор детского дома послал тебя сюда».

Я слегка нахмурилась. Айседор оживился и весело рассмеялся.

Так вот почему директор детского дома был в отчаянии. Ведь было не просто помешать мне стать монахиней. Как только я договорилась, что буду работать здесь, меня увезли, не дав времени выслушать подробности работы, поэтому я подумала, могу ли я сделать такое лицо, будто умру, если не стану монахиней.

Сын мэра…Да, он был надоедливым парнем с орлиным носом. Я помню, как он бросал комки грязи, задирал юбки или дергал девочек за волосы. Казалось, что свою бесконечную энергию он брал откуда-то вокруг себя. Он починил крышу приюта, так что я не думаю, что он плохой ребенок, однако он и сломал эту крышу.

— «…Поиски информации обо мне что-то дал тебе?»

— «Думаешь, нет? Это было бы просто странно – ничего не получить. Но расследовал не я. Кайд искал информацию, когда нанимал тебя на работу. И теперь не только Дарич и Вайфар, даже король, вероятно, присматривается к тебе».

Я схватила свои указательный и средний пальцы, и слегка напрягла спину, которая и без того была прямой.

— «Лайус большой. Никто не мог даже прикоснуться к этим землям пятнадцать лет назад. С королем во власти к нему нельзя было прикасаться. Это была земля, возникшая в результате союза генерала и принцессы. Началом предыдущих правителей были члены королевской семьи. Поэтому другие дворяне не могли к нему прикоснуться. Если дворянин пытался что-то сделать, это могло означать, что он действует против короля. Король намеревался уничтожить земли Лайуса. Сила Лайуса была слишком велика. Дарич знал, что его можно разделить после развала, поэтому он даже поощрял конкретные действия предыдущего лорда».

Да, именно так был завершен наш рай. Когда ему ничего не угрожало, наш рай извлекал выгоду из Лайуса и рос.

— «Получается, Лайус был близок к своему концу. Правители других земель затаили дыхание, позволив народу Лайуса покончить с правителями, готовыми напасть, как только единственным сопротивлением станет народ. Никто не знал этот благородный дом Фалуа, который давным-давно был разжалован и вытеснен в отдаленную провинцию. Более того, кто бы мог подумать, что четырнадцатилетний мальчик, чья семья была уничтожена эпидемией, способен на такое. Если бы он узнал, что его последователи, их семьи, и возможно, даже родные деревни и города, его родины были бы сожжены, он в любом случае преуспел бы, даже

несмотря на всю рискованную ситуацию и несмотря на то, что его кровная семья была уже мертва».

— «…Да».

— «Я до сих пор это помню. Он был всего на четыре года старше меня, но у него было лицо взрослого человека. Жизни людей, Лайус, убийство членов королевской семьи, взвалив все это на свои тощие плечи, он стал Лордом. …Мой отец сказал, что он жалок. Мало кто мог вернуть все отнятое у народа обратно в Лайус. Сказав это, мой отец решил поддержать Кайда, ведь он мог отдать все обратно. Начнем с того, что Гимия не очень большая земля. Мало что можно было получить после падения Лайуса. На его руках было слишком много, и падение Лайуса было бы для нас проблемой».

Мое тело похолодело, а в голову ударил жар.

Мои грехи были слишком тяжки, чтобы отправиться в ад. Вот почему я здесь.

…Эх, я надеюсь, что мои родители в аду. Я возьму на себя все остальные непоправимые грехи, поэтому, пожалуйста, смойте свои грехи в аду. Я надеюсь, что они в объятиях наших предков.

Нам улыбался ребенок, качающийся на руках у родителей. Мальчики, обняв друг друга за плечи, пробежали мимо. Покрасневшие мужчина и женщина отпустили руки, но снова переплели свои пальцы. Они смутились от взгляда друг друга, но их улыбки были просто ослепительными.

— «Он не женат из-за наследственной преемственности. Поскольку наследственная преемственность была причиной рождения прошлого Лайуса, он хочет, чтобы следующим преемником был кто-то с хорошими способностями…Поэтому он жил один. Он продолжал проигрывать, ничего не имея. Это жестокая история». (П/п: наследственная преемственность – передача власти, престола по наследству, от родителя ребенку).

В отличие от Айседора, который смотрел в небо, я смотрела вниз, на землю.

— «Лайус много отнимает у него, ничего не отдавая и не возвращая. Но он все равно будет жить как Лорд. Он будет мудрым Лордом. Кайд - послушный раб Лайуса. Кайд знает, что он ничего не выиграет. Он сгниет без надежды. Лорд хуже, чем человек. Если это условие, то оно слишком суровое».

Я сжала два пальца, будто хотела сломать их, и прикусила губы.

— «…Что ты хочешь мне этим сказать?»

Тень упала мне на ноги, когда я опустила голову. Айседор смотрел на меня. Я понимала, что должна поднять голову, но не могла оторвать взгляд от дороги, красиво выложенной плиткой.

— «Я скажу, почему я тщательно искал информацию о тебе. Все потому, что ты вывела Кайда из строя. Ты заставила его, который ни капельки не дрожал последние пятнадцать лет, дрогнуть. Отправляться в город с горничной, я впервые слышу о его таком действии».

— «…Таких случаев было много. Может быть, ваше расследование недостаточно верно?»

— «Раньше он брал с собой нескольких слуг и служанок. Я впервые вижу, как он выходит с кем-то наедине. Я увидел это своими глазами и очень удивился. Было бы лучше, если бы он

заинтересовался погоней за юбками, но, похоже, это не так. Итак, кем бы ты могла быть? Для меня это загадка. Как ты заставила Кайда дрогнуть? У вас не могло быть никакой возможности предварительно установить связь. Для тебя это первый выход из Каины, а у Кайда нет времени ходить в такую глушь. Значит, в течение этого месяца? Это слишком быстро даже для судьбоносной встречи. Даже в любовь с первого взгляда невозможно поверить, если не будет больше времени. Поддаться твоим чарам, прости, но я не думаю, что это возможно. И даже если бы ты была в его вкусе, он бы не позволил тебе приближаться больше, чем необходимо. Тогда кто ты? Что в тебе такого, что заставило Кайда дрогнуть? Месяц это все еще мало. Для такого упрямого человека, как он, на это уйдет год».

Сжимая пальцы, не боясь сломать их, я подняла голову. Айседор оказался ближе, чем я ожидала. Я увидела его прекрасные черты лица. В свете фонаря эти изогнутые губы были особенно привлекательны.

— «До того, как я встретил тебя, я спросил знакомого слугу, но выяснилось, что ничего особенного не произошло. Вот это странно. Ты просто делала то же самое, что и другие горничные. Но тогда что привлекло Кайда?»

Он ищет. Взгляд, оценивающий меня, ощущался особенно остро. Должно быть, он действительно хочет найти ответ, но такое ощущение, что он скорее поддразнивает, чем допрашивает. Интересно, почему я чувствую это все именно так?

— «Ничего не произошло, поэтому мне трудно ответить тебе».

— «Нет, все не так. Я задавался вопросом, неужели эти люди этого не понимают…Теперь, когда я встретил тебя, я уверен. Ты постоянно смотришь в его сторону, и все равно говоришь, что не можешь ответить. Ты смотришь на спину Кайда, а Кайд смотрит на твою спину, поэтому "Ничего" здесь не сработает. Мне жаль, но, пожалуйста, скажи это Кайду. Если вы это не исправите до прихода других лордов, они быстро все выяснят».

Я поняла это только после того, как мне на это указали. Интересно, я действительно так часто на него смотрела?...Наверное, да.

Я прикусила нижнюю губу. Было бы неплохо, если бы она оторвалась и начала кровоточить, но мой дрожащий рот не обладал такой силой.

То, как колыхались его черные волосы, убранные назад, дрожащий золотистый цвет, более мягкий, чем солнце, спина, которая стала довольно большой, ноги, которые я однажды видела у ручья, руки, которые я когда-то держала.

Я наблюдала за ними. Человек, которого я когда-то любила, первая любовь. Я наблюдала. Конечно.

Я наблюдала.

Всегда.

Я всегда наблюдала.

Сейчас и в прошлом.

Потому что я любила его.

http://tl.rulate.ru/book/21558/445787